

УДК 81'25

ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА С «ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ»: СТАРЫЕ ПЕСНИ НА НОВЫЙ ЛАД¹

К.И. Леонтьева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов

Обосновывается необходимость перехода российской парадигмы переводоведения к новой антропоориентированной теории интегративного типа (семиотике перевода), позволяющей моделировать перевод как реальную систему деятельностной когнитивно-коммуникативной интеракции и как концептуальную систему множественных онтологий. Подобная теория даёт возможность сократить существующий «эпистемологический разрыв» между теорией, дидактикой и практикой перевода.

Ключевые слова: антропоцентризм, теория перевода, онтология перевода, интеграция, дискурс, личность, знание.

В этом – все начала и концы... Всё – в человеке, всё для человека! Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга.

М. Горький («На дне»)

На современном этапе тезис о том, что «вопросы перевода могут рассматриваться с различных точек зрения» [31: 12], безусловно, выглядит трюизмом. Множественность теорий (моделей, концепций), отражающих различные (или одно, но с разных перспектив) свойства объекта моделирования, составляло гносеологическую реальность теории перевода фактически с самого её зарождения, поскольку исключительная многогранность и вариативность исследуемого объекта принципиально несводимы к «одной, раз и навсегда верной, абстрактной модели» [8: 185]. Трюизмом выглядит и некогда актуальный тезис о том, что для получения более или менее реалистичной картины этого объекта необходима интеграция различных, дополняющих друг друга подходов [34: 30]. В этом проявляется диалектика универсальных механизмов эволюции научного познания – дифференциации и интеграции.

Неудивительно, что проблематика перевода затрагивается в работах, выполненных в рамках самых разных научных дисциплин и направлений, с самых разных методологических позиций. В них не только дорабатываются, уточняются, развиваются существующие модели, концепции и их отдельные положения, но и предлагаются новые – иногда удачные, иногда нет. Число подобных работ растёт с каждым днём, что также неудивительно: в современных условиях глобализации переводческая проблематика актуальна как никогда. Удивительно то, что практическое значение этого огромного массива теоретических знаний, их использование в реальной переводческой практике сводится к минимуму [29: 69–70]. Данный факт Ю.А. Сорокин констатировал 17

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-10006 «Исследование антропоцентрической природы языка в когнитивном контексте») в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

лет назад. С тех пор утекло много воды: последовав примеру лингвистики (своей верной и неизменной «спутницы»), теория перевода достаточно резко перешла от структурализма и субститутивно-трансформационной онтологии к онтологии деятельностной, в рамках которой делалась возможной реализация новой ценностной доминанты научного познания – принципа антропоцентризма. Однако и сейчас, почти два десятилетия спустя, теория имеет крайне косвенное отношение к практике обучения переводу и реальной переводческой деятельности: как дескриптивная дисциплина она «дрейфует» параллельно им [22: 99]. В результате достаточно беглого сравнения с оригиналом можно увидеть, что качество многих переводческих продуктов, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Это, однако, не лишает их статуса «перевод»: именно в таком качестве они реально функционируют в системе принимающей культуры.

Подобный «эпистемологический разрыв» [там же] между теорией и практикой пытаются объяснить ослаблением связи теории перевода с лингвистикой, тем, что переводоведы, фокусируясь на междисциплинарных аспектах, якобы, ушли от лингвистического метода, от эмпирического анализа, и заняты предельно обобщённым описанием универсальных механизмов и установок (стратегий) переводческой деятельности [10: 274; 25: 109]. Выдвигаются тезисы о необходимости возврата теории нормативно-прескриптивного характера к роли арбитра, реанимации лингвистического метода и постоянного обращения к эмпирическому материалу [25: 115–116] (речь, вероятно, идёт о возврате к традиционному сравнительно-сопоставительному анализу, который из теории перевода в принципе никуда и не исчезал – *К.Л.*). Между тем, классические учебники, написанные в русле субститутивно-трансформационной онтологии (за возврат которой, по сути, и выступает В.А. Нуриев), по которым по-прежнему обучается значительная часть будущих переводчиков, очевидно, не дают весь тот комплекс теоретических знаний и развиваемых с опорой на эти знания практических навыков, которые должны составлять профессиональную компетенцию действительно квалифицированного специалиста. В ином случае анализируемая нами проблема просто не возникла бы.

Невозможно согласиться и с тем, что построение теоретических моделей, предполагающее частичный (никак не полный) уход от эмпирики, свидетельствует о некоторой «деградации» теории перевода, а именно такой вывод напрашивается после прочтения статьи В.А. Нуриева. Теория перевода изучает не какой-то обезличенный объект или предмет, это теория с «человеческим лицом»: в ней *деятельностная личность* исследователя изучает *деятельностную личность* переводчика, со всеми вытекающими отсюда дидактическими и практическими следствиями (см.: [36]). Это хорошо согласуется с идеей отказа от самого термина «теория» (*theory, thought*) в пользу понятия «дискурс о переводе» (*discourse on translation*) [47], позволяющего учитывать тот факт, что ни одна теория не возникает в идеологическом вакууме, за ней всегда стоит конкретная пристрастная личность. В таком случае теорией можно считать не только научное знание, но и любое субъективное представление о переводе [62: 107], и тогда теоретическое познание автоматически выводит нас в реальный предметный мир, в котором перевод реализуется и функционирует как сложная система деятельностей.

Как подчёркивает известный переводовед А. Честерман [43: 3], у переводчика по определению *должна быть* некоторая теория перевода: переводить без опоры на теорию – всё равно что «переводить вслепую», любое действие основывается (хотя бы на уровне бессознательного) на некоторых гипотезах (*assumptions*) относительно особенностей акта перевода, поэтому теоретические конструкты как неотъемлемые инструменты мышления (*essential tools for thought*) в процессе принятия решений обладают реальной практической ценностью. Честерману вторит не менее известный Э. Пим [64: 1–2]: деятельность переводчика (*act of translation*) как поиск решений конкретных проблем и выбор одного решения из диапазона возможных суть деятельности теоретической (*act of theorizing*). Ещё дальше идёт К. Норд [61: 188–191], утверждая, что та или иная теория (хотя бы на уровне подсознания) имеется не только у переводчика, но и у редактора, у критика, у переводимого автора (что важно в случае авторизованного перевода – *К.Л.*), и, безусловно, у реципиентов (как *lay receivers*), для которых в конечном итоге и создаётся перевод. Последние редко осознают предельную субъективность своей теории и не всегда могут эксплицировать её суть. Их теории не всегда гармоничны и могут включать противоречащие, взаимоисключающие положения. Но практически все они восходят к классической эпистеме идентичности текстов (ср. с «презумпцией коммуникативной равноценности/эквивалентности/идентичности» В.Н. Комиссарова [14]).

Что касается субъективных «теорий» критиков, они, отражаясь в рецензиях, в той или иной степени влияют на рецепцию произведения в «принимающей» культуре, его оценку реципиентами, объём продаж книги, престиж и имидж автора в текстовой решётке новой культуры и, безусловно, задают определённые фреймы ожиданий, находящие своё отражение в субъективных концепциях «хорошего» перевода, актуальные уже для реципиентов. В рецензии отражается и субъективная интерпретация критиком некоторого прототипа рецептивных «теорий». Исследование [49], проведённое на материале рецензий, опубликованных в *The Observer* с 1992 по 1999 гг., выявило интересную тенденцию: переводы, основанные на стратегии адаптации, как правило, получали хорошие рецензии, при параллельном отторжении (*aversion*) переводов, демонстрирующих интерференцию с исходным текстом, языком и культурой. Аналогичные результаты получены в США Л. Венути [72; 73]. Это позволяет считать адаптацию (этноцентризм в терминах Л. Венути) одним из прототипических признаков концептуальной категории «перевод». При этом подобные признаки как коллективное знание преломляются сквозь призму индивидуального образа мира переводчика и входят в него уже в качестве индивидуального знания, представляющего собой «определённую конфигурацию коллективного знания в плане его объёма, содержания и интерпретации» [2: 15]. Эти структуры знания можно обозначить как *фрейм рецептивных ожиданий*. Данный фрейм активизируется в процессе переводческой деятельности и выступает одним из ориентиров при выборе генеральной стратегии перевода (как стратегии речевого воздействия) и конкретных когнитивных и текстовых тактик её реализации. В итоге получается замкнутый круг.

Безусловно, ставить в один ряд обыденное и научное (по)знание, т.е. подобные «частные», «внутренние» субъективные концепции перевода

(*private, internal theorizing*) и «публичные» научные теории (*public theories*) [64: 2], нельзя. Тем не менее, любая субъективная концепция (переводчика, реципиента, критика, переводоведа) как индивидуальное «живое» знание [11] входит в содержание индивидуального образа мира – формы и результата психического отражения объективной реальности [17], средства и результата её интерпретирующего конструирования сознанием человека [3]. Образ мира представляет собой *эмерджентный и динамичный* гипертекст знаний *разного типа*, полученных в результате опыта различных модальностей [11]. С этой точки зрения, любая «частная» теория перевода как структура знания – это амальгама обыденного и научного, коллективного и индивидуального/личностного знания, она «становится» не только в ходе практической деятельности, но и в результате научного познания, вплетается в структуру динамичной системы образа мира. А поскольку «сознание-образ» овеществляется в «сознании-деятельности» [17], абсолютно очевидно, что для повышения качества практической переводческой деятельности необходимо построение «публичной» теории (модели) перевода высокой объяснительной силы, адекватно описывающей сущностную специфику перевода во всей его многогранности и не в обобщённом, а максимально детализированном виде (здесь мы согласны с [25]), с учётом соответствующих структур знаний, входящих в индивидуальный образ мира *всех* субъектов (ролей), вовлечённых в событие (акт) перевода как систему деятельностного когнитивно-коммуникативного взаимодействия (интеракции).

Данный тезис хорошо согласуется с мнением зарубежных переводоведов относительно основных целей и задач теоретического моделирования перевода (см. подробный обзор в [75: 20–24]).

1. Последовательное описание (*description*) [43: 48] всей операциональной структуры процесса перевода (т.е. перевода как деятельности), включая социальные роли переводчика и используемые им стратегии, с учётом действия предельно широкого набора факторов; это первый этап на пути к разработке теории, позволяющей не только описать и объяснить, что представляет собой феномен перевод, но и прогнозировать то, каким может быть перевод при конкретном наборе условий.

2. Объяснение процессов и результатов [54; 43; 68; 53; 65]; выделяют несколько типов объяснений [44: 365-367]: 1) интерпретативное (герменевтическое) – концептуализация перевода посредством метафор; 2) телеологическое объяснения (мотивов, целей и функций перевода); 3) объяснение причинно-следственных связей (*casuality*), действия факторов и условий разного типа; 4) обобщение данных, с потенциальным выходом на уровень универсалий; 5) унификация (как метод философии науки), предполагающая холистический/системный подход.

3. Прогнозирование возможных/вероятных действий переводчика [45: 3]; при этом в силу варибельности и множественности параметров, вовлечённых в акт перевода, признаётся низкая прогностическая сила теории перевода (*low level probability*).

4. Практическая помощь переводчику – разработка репертуара возможных вариантов решения различных проблем, набора практических рекомендаций и ориентиров (*guidelines*) [57: 234], информирование практики [47: 90],

формулировка концептов и конструктов, позволяющих выявить её проблемные точки, усовершенствовать её [74: 13], формулировка этических норм об ответственности за установление культурных контактов [37: 159], стимулирование роста профессионального самосознания путём осознания (*awareness*) механизмов реализации переводческой деятельности и рефлексии над собственной деятельностью, развитие способности обосновывать решения перед клиентами [64: 4].

5. Формирование системной научной парадигмы *Translation Studies* через критическое осмысление и синтез существующих конструктов и схем [75].

6. Формулирование критериев оценки качества перевода – «суть» теории перевода согласно [46: 157] (ср. [25]); с нашей точки зрения, это компетенция не столько теории перевода, сколько критики перевода как специальной прикладной области переводоведения, хотя теория, безусловно, задаёт онтологический и методологический вектор для критики, определяет характер нормы (прескриптивный или дескриптивный).

7. Разработка аналитического инструментария для критического осмысления иных практик, центральным звеном в которых выступает перевод – глобализации [48] и межкультурной коммуникации, не предполагающих ни отношений независимости (*sovereignty*), ни отношений доминирования (*hegemony*), определение властных полномочий переводчика как посредника/медиатора (*intermediary*), этических оснований и границ его медиативного вмешательства (*capacities to intervene*) [63: 16].

В свете подобной полифункциональности не вызывает сомнения продуктивность перехода переводоведения к новой *междисциплинарной системологической парадигме* [7], в которой объект (феномен перевода) будет изучаться в его целостности – как система, что предполагает анализ всех обеспечивающих эту целостность связей, механизмов и свойств системы – и структурных, являющихся атрибутами самого объекта, и поведенческих, проявляющихся в его взаимодействии со средой, включая других индивидов. При этом речь идёт о двойной системности: не только о переводческой деятельности как реальной системе (объект исследования), но и о теории перевода и, шире, переводоведении² как концептуальной системе, позволяющей через синтез (интеграцию) осмыслить аналитические данные и знания о переводе, накопленные разными науками. Отдельно подчёркивается, что системологическая парадигма на современном этапе находится лишь на стадии зарождения, причём «весьма робкого» [7: 19], что, безусловно, верно, но лишь в отношении отечественной теории перевода, поскольку анализ структуры западных учебников, хрестоматий, справочников, энциклопедий [59; 60; 52; 42; 64; 74; 53; 75; 69; 56; 41; 40; 39; 50] позволяет считать системный подход в *Translation Studies* уже реализованным («ставшим»).

Одной из причин подобной стагнации российской парадигмы может быть тот факт, что для неё даже на современном этапе характерно «подстраи-

² Понятия «наука о переводе» и «теория перевода» достаточно часто употребляются как взаимозаменяемые, что не совсем корректно: в таком случае сужается проблемное поле переводоведения – исключаются его прикладные разделы. Иными словами, синонимами данные категории не являются, однако их можно рассматривать как симиляры в терминах психолингвистики.

вание» своего предмета под предмет лингвистики в целом или какого-то конкретного её направления (в основном психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теории коммуникации), что неизменно ведёт к *абсолютизации* какого-то одного аспекта, какой-то одной из множества нераздельных и одновременно неслиянных онтологий перевода – *деятельностной* (перевод как речемыслительная интерпретирующая деятельность индивида, реализующаяся во взаимодействии со средой, её процесс, результат/продукт, субъект, объект, средства, мотив, цель, среда), *культурообразующей* (перевод как социокультурная практика, как форма познания и трансляции культурных смыслов и ценностей, текст перевода как продукт культуры), *функциональной* (перевод как форма межкультурного и социального посредничества, как средство глобализации, как способ манипуляции, воздействия, социальной и политической борьбы) и *языковой* (перевод как межъязыковое преобразование, при этом язык следует понимать как индивидуальный язык в духе идей И.А. Бодуэна де Куртенэ). Деятельностная онтология, безусловно, является базовой, и все иные онтологии через язык опосредуются в системе деятельностей, в которой деятельность переводчика – лишь один из элементов, пусть и системообразующий.

На современном этапе, когда лидирующие позиции в лингвистике занимают когнитивная лингвистика и психолингвистика (о соотношении этих направлений когнитивной науки см. [32]), а последнюю предлагают в рамках интегративной этнопсихолингвокультурологии объединить с не менее популярной лингвокультурологией и теорией межкультурной коммуникации (см. [16]), предметом лингвистической теории перевода можно считать все перечисленные выше онтологии, а не только собственно языковую. Однако квалификация теории перевода как исключительно или приоритетно лингвистической предполагает очередное её противопоставление всем иным теориям, разработанным в рамках других наук (социологическим, культурологическим, литературоведческим, герменевтическим и т.п.), что крайне непродуктивно. Тем не менее, Н.К. Гарбовский [7], анализируя данную проблему, приходит к выводу, что *de facto* наука о переводе по-прежнему считается областью лингвистики: её междисциплинарный характер объясняют не расширением её собственных горизонтов, а «расширением горизонтов науки о языке» [34: 21]. Здесь приходится с сожалением констатировать отсутствие самостоятельной специальности «Переводоведение» (хотя бы в рамках шифра 10 «Филологические науки») в российской номенклатуре научных специальностей (ср. с европейскими *Translation Studies*, наделёнными самостоятельным статусом), что делает крайне затруднительной квалификацию таких интереснейших работ, как, например, [6; 23; 24], выполненных с позиции феноменологии и филологической герменевтики. Более того, основную часть крайне актуальных западных исследований с позиции российской науки пришлось бы отнести даже не к области литературоведения, вместе с лингвистикой образующего филологические науки (вспомним, что для отечественной теории перевода противопоставление лингвистического и литературоведческого подходов традиционно), а к совершенно иным областям социально-гуманитарного знания – философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, истории, имеющим с лингвистикой крайне мало (за исключением психологии и философии) общего.

Ещё В.И. Вернадский отмечал, что в результате стирания жёстких границ между науками становится всё сложнее точно охарактеризовать область научной работы и интересов исследователя, что мы всё чаще «специализируемся не по наукам, а по *проблемам* (курсив мой – К.Л.)» [5: 169], что даёт возможность значительно глубже проникнуть в сущность изучаемого явления, исследовать его с разных позиций и разных точек зрения. Представляется, что наука о переводе на современном этапе – это уже не отдельная дисциплина, пусть даже междисциплинарного порядка, а именно *проблемная область (направление)* с нечёткими границами и сферической структурой. Границы статуса «дисциплина» для науки о переводе, подобно лингвистике, стали слишком узки, и уже как самостоятельные дисциплины (сферы) в рамках проблемной области ядра этой науки – теории перевода (без которой не обходится ни одно прикладное исследование) – можно рассматривать герменевтику перевода, философию перевода, социологию перевода, психологию перевода, историю перевода, эстетику и поэтику перевода, этику перевода, идеологию и аксиологию перевода (данный список можно продолжать). Каждая из них при общем объекте фактически изучает собственный предмет (конкретный аспект объекта), опираясь при этом на специфическую методологию. В каждой из них работают исследователи из самых разных областей науки. Адекватность подобной точки зрения подтверждает дисциплинарная матрица («*map*») европейских *Translation Studies* [67: 10; 70: 40; 71: 584–588], к компетенции которых относятся «весь комплекс проблем, так или иначе связанных (*clustered round*) с феноменом перевода как процессом (*translating*) и как продуктом (*translation*)» [54: 181], во всех его проявлениях, включая адаптации, версии, имитации, псевдо-переводы, авто-переводы и т.п.

При этом нецелесообразно не только рассматривать теорию перевода как прикладную отрасль лингвистики, но и обособлять в рамках этой проблемной области «лингвистику перевода». Современная лингвистика входит в систему трансдисциплинарного *человекознания* [1], комплексно изучающую человека средствами естественных, гуманитарных, социальных и даже технических наук. Значительно раньше о *человековедении* говорил В. фон Гумбольдт, с точки зрения которого изучение языка «самого по себе и для себя», «как цели в самом себе» (ср. [30: 269]) предполагает учёт триединства мира, языка и человека в единстве всех разносторонних связей и свойств последнего [9: 348, 377]. Только так достижимо подлинно системное целостное знание о сущности языка, что, в свою очередь, требует единства синтактики, семантики и прагматики в *семиотическом* анализе, с приоритетом прагматики [12: 14, 29], поскольку вне интерпретирующего сознания человека как «сознания-образа», овеществляемого в «сознании-деятельности» [17], реальный мир есть лишь некий субстрат (У. Матурана) (см.: [15]).

Это даёт основания считать, что на современном этапе лингвистику перевода поглощает значительно более широкая *семиотика перевода*. Более того, о теории перевода в целом можно в принципе говорить как о семиотике перевода. Во-первых, как семиотика дискурса [18; 21; 4] она автоматически смещает фокус с текста на дискурс, реализующийся в деятельности личностей как «индивидуальных сгустков (узлов, связей, структур, систем, тождеств, методов или каких-нибудь единичных закономерностей) природных, общественных и

исторических отношений» [20: 314], в их деятельностном взаимодействии со средой и друг с другом. Во-вторых, интегративный по определению дискурс-анализ (см.: [19]) как базовая метода даёт реальную возможность исследовать самые разные аспекты перевода, составляющие предметы перечисленных выше дисциплин в их сложных системных взаимосвязях, в синергии множественных онтологий перевода. К сожалению, рамки жанра статьи не позволяют остановиться на этом вопросе подробно.

Итак, мы определились, что на современном этапе наука о переводе представляет собой уже не частную дисциплину, использующую междисциплинарный (системный) подход, а полноценную проблемную область (направление), междисциплинарную не только в методологическом, но и в гносеологическом и онтологическом планах. Соответственно теория перевода как ядро этой проблемной области, задающее её онтологию, должна быть теорией интегративного (синтезирующего, системного) типа, позволяющей через синтез аналитических данных и продуктивных теоретических конструкторов, гипотез, схем, имеющихся в арсенале науки, сконструировать эмерджентное знание и выйти на качественно новый уровень познания. Интеграция должна сопровождаться дифференциацией (спецификацией), что отражает классическое деление теории перевода на три раздела – общую, частную и специальную. В рамках общей теории должен быть выявлен лишь ограниченный комплекс онтологических универсалий, дающих целостное представление о сущности объекта – переводе как сложной динамичной системе деятельностей (см. схему в [36]). Для этого необходимо разработать абстрактную модель функционирования этой системы с учётом целостного единства и взаимосвязей онтологий, составляющих её структуру, которая позволила бы описать и объяснять операциональную и функциональную составляющие перевода, выявить причинно-следственные взаимосвязи процессов на разных уровнях – от локального (когнитивные процессы в сознании) до самого глобального (власть, политика, институциональные отношения и т.п.), критически осмыслить отношения между мотивом, целью деятельности переводчика и всеми его действиями [51: 359; 55: 1]. Подобная модель как инвариантная онтологическая схема уже в рамках частных и специальных теорий перевода (при соблюдении принципа согласования) будет наполняться конкретным содержанием, уточняться с учётом специфики, обусловленной модусом деятельности, типом и жанром переводимого произведения, соотношением репертуаров языковых и художественных средств культур и т.п.

Создание такой модели, безусловно, не предполагает «разрушение старого амбара и возведение на его месте небоскрёба», это скорее «восхождение на гору», открывающее «новые и широкие виды, показывающие неожиданные связи между нашей отправной точкой и её богатым окружением», поэтому отправная точка по-прежнему существует, но лишь как «крохотная часть открывшегося нашему взгляду обширного ландшафта» [35: 125]. Предельно лаконично суть данной сентенции выразил И. Ньютон: «Если я видел дальше других, то потому, что стоял на плечах гигантов». Иными словами, прежде всего, требуется интрадисциплинарная интеграция – сведение в единую согласованную систему собственно переводоведческого знания, накопленного в рамках достаточно разрозненных концепций и подходов. Здесь возможны два

варианта. Первый – это «метатеория перевода» как «многомерное координатное пространство» [33], в котором будут *гармонично сосуществовать* теории (концепции, модели) различной степени обобщения, разработанные с различных методологических позиций (когнитивной, психолингвистической, герменевтической, культурологической, социологической, семиотической и т.п.), дающие *в своей системности* относительно целостное представление (искомое новое знание) о переводе. Второй вариант – сведение методом критического анализа и синтеза (объяснение-унификация по А. Честерману) наиболее продуктивных положений существующих теорий в *единую качественно новую эмерджентную* схему/модель (искомое новое знание), что даст не просто системность представления объекта, но и системность самой теории в онтологическом, методологическом и гносеологическом планах.

Безусловно, второй вариант – значительно более сложный, он не ограничивается интрадисциплинарным синтезом и не может быть реализован без опоры на данные всех иных наук, объектом которых является человек (изначально в формате кроссдисциплинарного взаимодействия, с целью генерации нового знания непосредственно в теории перевода). В первую очередь, необходима гармонизация теории перевода с актуальными положениями лингвистики, чему благоприятствует тот факт, что «антропоцентрическая доминанта» последней полностью совпадает с переводческими приоритетами [26: 48], точнее с приоритетами когнитивной и психолингвистической теорий, соотносимых с западным *translator-centered approach* [38]. Здесь для теории перевода первостепенное значение имеет когнитивная семантика в её целостности с когнитивной прагматикой, совсем молодая когнитивная социолингвистика и когнитивная стилистика, смыкающаяся с когнитивной поэтикой и когнитивным литературоведением. Когнитивная семантика/прагматика и когнитивная стилистика во многом пересекаются с психолингвистической теорией значения и теорией текста (как дискурса). Сфера интересов когнитивной социолингвистики (см., например, [13]) пересекается с проблемной сферой теории дискурса, социосемиотики, гендерной лингвистики, этнопсихолингвистики. Последняя, в свою очередь, теснейшим образом взаимодействует с теорией межкультурной коммуникации и лингвокультурологией в рамках интегративной этнопсихолингвокультурологии, объектом которой выступает неслиянное единство самостоятельных взаимозависимых феноменов «человек – сознание – язык – культура – лингвокультура – коммуникация – сообщество» [16]. Синтез ключевых положений всех этих направлений при подключении к ним филологической герменевтики (как герменевтики дискурса [28]) и выход через неё в поэтику и эстетику позволит заложить сильную базу для семиотики перевода. Кроме того, полноценная интеграция предполагает выход в область любых иных наук, изучающих человека (в сферу человекознания), актуальные данные которых могут быть полезны для моделирования перевода. В первую очередь, это психология (включая теорию познания, теорию сознания, теорию личности, теорию деятельности, теорию мышления, теорию внимания, социальную психологию, нейропсихологию, этнопсихологию), философия (включая феноменологию, философию познания, философию сознания и философию языка), культурная антропология и культурология, социология.

Изложенная в настоящей статье программа интегративной теории перевода ориентирована на принципы, определяющие современный облик социально-гуманитарного знания и человековедения в целом. Это антропоцентризм (коммуникатороцентризм, персонализм), интерпреционизм (конструктивизм, психологизм), интеракционизм (диалогизм) и динамизм (нонэссенциализм), а также воплощённость и распределённость познания и сознания, обусловленные их интерпретирующей деятельностью природой. Данные принципы предполагают необходимость рассматривать любое знание, включая теоретическое, как *«живое знание»* [11] – как достояние активной и пристрастной личности, в единстве индивидуального и социального, ментального, чувственного и телесного, во взаимодействии со средой, которое опосредует динамичный образ мира. Можно провести параллели между парадигмой *«живого знания»* и идеалом *цельного знания* В.С. Соловьёва, которое «не может иметь исключительно теоретического характера; оно должно отвечать *всем потребностям* человеческого духа <...> Отделить теоретический или познавательный элемент от элемента *нравственного* или *практического* и от элемента *художественного* или *эстетического* (курсив мой – *К.Л.*) можно было бы только в тех случаях, если бы дух человеческий разделялся на несколько самостоятельных существ, из которых одно было бы *только* волей, другое – *только* разумом, третье – *только* чувством (курсив автора – *К.Л.*) [27: 229].

Представляется, что ориентация теории перевода на парадигму *«живого знания»* при моделировании перевода как реальной системы и на идеал *цельного знания* при построении теоретических схем как концептуальной системы имеет важные практические следствия. Подобная теория позволила бы реорганизовать пространство рефлексивноёмкой деятельности переводчика [6], структуру его дискурса [19] не только в части максимально полного понимания содержательности переводимого произведения, но и в части осознания универсальных онтологических механизмов перевода как лингвокогнитивного и культуuroобразующего феномена, включая те, которые как неотъемлемый элемент когнитивного стиля достаточно часто реализуются в реальной переводческой деятельности в форме бессознательных (неосознаваемых) автоматических процессов и по этой причине не поддаются сознательному учёту, контролю, мониторингу. На наш взгляд, подобная теория через рефлексию могла бы способствовать постепенному выводу всех этих уникальных механизмов на *«табло сознания»* [11], что, в свою очередь, способствовало бы сокращению *«эпистемологического разрыва»* [22] между теорией, дидактикой и практикой перевода.

Список литературы

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2002. 272 с.
2. Болдырев Н.Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. Тамбов: ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 12–28.
3. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник ЧелГУ. 2014. № 6 (335). С. 118–122.

4. Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. Интерпретирующий подход к изучению дискурса // Когнитивные исследования языка : сб. науч. тр. Вып. XX. М.; Тамбов: ИЯ РАН; ТГУ им. Г.Р.Державина, 2015. С. 30–38.
5. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление М.: Наука, 1991. 271 с
6. Галеева Н.Л. Перевод в лингвокультурологической парадигме исследования. Тверь: ТвГУ, 2011. 172 с.
7. Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия «Теория перевода». 2015. № 1. С. 3–20.
8. Гарбовский Н.К. Теория перевода : учебник. М.: МГУ, 2004. 544 с.
9. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
10. Добровольский Д.О. Беседы о немецком слове. М.: Языки славянской культуры, 2013. 752 с.
11. Залевская А.А. Что там – за словом? : Вопросы интерфейсной теории значения слова. М.: Директ-Медиа, 2014. 328 с.
12. Зубкова Л.Г. Эволюция представлений о Языке. М.: Языки славянской культуры, 2015. 760 с.
13. Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5–17.
14. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: Валент, 2014. 408 с.
15. Кравченко А.В. От языкового мифа к биологической реальности М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013. 388 с.
16. Красных В.В. Лингво-когнитивная природа воспроизводимости в свете психолингвокультурологии // Мир русского слова. 2014. № 2. С. 9–16.
17. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
18. Леонтьева К.И. Семиотика текста vs. семиотика дискурса: к поиску адекватного эпистемологического основания теории художественного перевода // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1. С. 75–80.
19. Леонтьева К.И. Универсалии поэтического (стихотворного) перевода (на материале русских переводов из англоязычной поэзии XX века) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / К.И. Леонтьева; Твер. гос. ун-т. Тверь, 2013. 23 с.
20. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1988. 366 с.
21. Миловидов В.А. От семиотики текста к семиотике дискурса. Тверь: ТвГУ, 2000. 94 с.
22. Миловидов В.А. Проблема минимальной единицы перевода в контексте теории дискурса // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2011. № 4. С. 99–105.
23. Мишкурин Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (части I–V) // Вестник Московского университета. Серия «Теория перевода». 2013. № 1. С. 69–91; № 2. С. 3–40; № 3. С. 3–29; 2014. № 1. С. 14–29; № 3. С. 24–46.
24. Нестерова Н.М. Вторичность как онтологическое свойство перевода : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.19 / Н.М. Нестерова; Перм. гос. техн. ун-т. Пермь, 2005. 368 с.
25. Нуриев В.А. Теория перевода и поэтический перевод: современный статус дисциплины. Проблемы и решения // Вестник Московского университета. Серия «Теория перевода». 2015. № 1. С. 108–116.
26. Пшенкина Т.Г. Гетерогенность оснований психолингвистических моделей перевода // Филология и человек. 2011. № 4. С. 48–58.
27. Соловьев В.С. Философские начала цельного знания // Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 140–288.
28. Соловьева И.В. Концептуальные основания герменевтики дискурса. Тверь: ТвГУ, 2010. 160 с.

29. Сорокин Ю.А. Введение в этнопсихоллингвистику: учеб. пособ. Ульяновск: УлГУ, 1998. 138 с.
30. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
31. Федоров А.В. Введение в теорию перевода. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. 336 с.
32. Федорова О.В. Психоллингвистика vs. когнитивная лингвистика на карте современной когнитивной науки // Социо- и психоллингвистические исследования. 2014. № 2. С. 7–20.
33. Цвиллинг М.Я. Переводоведение как синтез знания // Тетради переводчика. Вып. 24. М.: МГЛУ, 1999. С. 32–37.
34. Швейцер А.Д. Междисциплинарный статус теории перевода // Тетради переводчика. Вып. 24. М.: МГЛУ, 1999. С. 20–31.
35. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. Развитие идей от первоначальных понятий до. Пер. с англ. М.: Наука, 1965. 327 с
36. Яковлев А.А. К вопросу о предмете интегративной теории перевода // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2013. № 2. С. 229–234.
37. Arrojo R. Shared Ground in Translation Studies: Coda by RA // Target. 2000. Vol. 12. № 1. Pp. 158–159.
38. Aubert F.H. Translation Theory, Teaching and the Profession // Perspectives: Studies in Translatology / Ed. by C. Dollerup, H. Gottlieb, V. H. Pedersen. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1995. Vol. 1. Pp. 121–131.
39. Baker M. (ed.) Critical Readings in Translation Studies. London, New York: Routledge, 2009. 528 p.
40. Baker M., Saldanha G. (eds.) The Routledge Encyclopedia of Translation Studies. 2nd Ed. London, New York: Routledge, 2008. 704 p.
41. Bermann S., Porter C. (eds.) A Companion to Translation Studies. Oxford: Wiley-Blackwell, 2014. 654 p.
42. Boase-Beier J. A Critical Introduction to Translation Studies. New York: Continuum International Publishing Group, 2011. 187 p.
43. Chesterman A. Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2000. 219 p.
44. Chesterman A. On Explanation // Beyond Descriptive Translation Studies / Ed. by A. Pym, M. Schlesinger. Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 362–379.
45. Chesterman A. On the Idea of a Theory // Across Languages and Cultures. 2007. Vol. 8. № 1. Pp. 1–16.
46. Cheung Martha P.Y. Power and Ideology in Translation Research in 20th Century China: an Analysis of Three Seminal Works // Crosscultural Transgressions. Research Models in Translation Studies. Vol. II: Historical and Ideological Issues / Ed. by T. Hermans. Manchester: St. Jerome, 2002. Pp. 144–164.
47. Cheung Martha P.Y. From "Theory" to "Discourse": the Making of a Translation Anthology // Translating Others / Ed. by T. Hermans. Manchester: St. Jerome, 2006. Vol. 1. Pp. 87–101.
48. Cronin M. Translation and Globalization. London: Routledge, 2003. 208 p.
49. Fawcett P. Translation in the Broadsheets // The Translator. 2000. Vol. 6. № 2. Pp. 295–307.
50. Gambier Y., Van Doorslaer L. (eds.) Handbook of Translation Studies. Vol. 1–4. Amsterdam: John Benjamins, 2010–2013. 478 p. 207 p. 220 p. 244 p.
51. Halverson S.L. Translations as Institutional Facts. An Ontology for "Assumed Translation" // Beyond Descriptive Translation Studies / Ed. by A. Pym, M. Schlesinger, D. Simeoni. Amsterdam: John Benjamins, 2008. Pp. 343–361.
52. Hatim B. Teaching and Researching Translation. 2nd Ed. London, New York: Routledge, 2012. 344 p.

53. Hermans T. *Translation in Systems. Descriptive and Systemic Approaches Explained.* Manchester: St. Jerome, 2009. 195 p.
54. Holmes J. *Translated! Papers on Literary Translation and Translation Studies.* Amsterdam: Rodopi, 1988. Pp. 67–81.
55. Kelly L.G. *The True Interpreter.* New York: St. Martin's Press, 1979. 282 p.
56. Kuhlwiczak P., Littau K. (eds). *A Companion to Translation Studies.* Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 181 p.
57. Lefevere A. *Translation Studies: the Goal of the Discipline // Literature and Translation: New Perspectives in Literary Studies / Ed. by J.S. Holmes, J.Lambert, R. Van den Broeck R. Leuven: Acco, 1978. Pp. 234–235.*
58. Millán C., Bartrina F. (eds.) *The Routledge Handbook of Translation Studies.* London, New York: Routledge, 2012. 592 p.
59. Munday J. *Introducing Translation Studies: Theories and Applications.* 3rd Ed. London, New York: Routledge, 2012. 384 p.
60. Munday J. (ed.) *The Routledge Companion to Translation Studies.* London, New York: Routledge, 2009. 304 p.
61. Nord C. *Loyalty Revisited. Bible Translation as a Case in Point // Target.* 2001. Vol. 7. № 2. Pp. 185–202.
62. Pöschhacker F. *I in TS: On Partnership in Translation Studies // Translation Research and Interpreting Research. Traditions, Gaps and Synergies / Ed. by C. Schäffner.* Clevedon: Multilingual Matters, 2004. Pp. 104–115.
63. Pym A. *Doubts about Deconstruction as a General Theory of Translation // TradTerm.* 1995. Vol. 2. Pp. 11–18.
64. Pym A. *Exploring Translation Theories.* 2nd Ed. London, New York: Routledge, 2014. 255 p
65. Pym A. *Method in Translation History.* Manchester: St. Jerome, 1998. 234 p.
66. Saldanha G., O'Brien S. *Research Methodologies in Translation Studies.* Manchester: St. Jerome, 2013. 277 p.
67. Toury G. *Descriptive Translation Studies and Beyond.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1995. 311 p.
68. Toury G. *In Search of a Theory of Translation.* Tel Aviv: Porter, 1980. 159 p.
69. Tymoczko M. *Enlarging Translation, Empowering Translators.* London, New York: Routledge, 2007. 362 p.
70. Van Doorslaer L. *Risking Conceptual Maps. Mapping as a Keywords Related Tool Underlying the Online Translation Studies Bibliography // The Metalanguage of Translation / Ed. by Y. Gambier, L. Van Doorslaer.* Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2009. Pp. 27–43.
71. Vandepitte S. *Remapping Translation Studies: Towards a Translation Studies Ontology // Meta.* 2008. Vol. 53. № 3. Pp. 569–588.
72. Venuti L. (ed.) *Rethinking Translation: Discourse, Subjectivity, Ideology.* London, New York: Routledge, 1992. 235 p.
73. Venuti L. *The Translator's Invisibility: a History of Translation.* London, New York: Routledge, 1995. 365 p.
74. Venuti L. (ed.) *The Translation Studies Reader.* 2nd ed. London, New York: Routledge, 2004. 560 p.
75. Williams J. *Theories of Translation.* Basingstoke: Palgrave, 2013, 160 p.

**THEORY OF TRANSLATION WITH A «HUMAN FACE»:
OLD WINE IN NEW BOTTLES**

K.I. Leontyeva

Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov

The author substantiates the necessity for the shift of Russian Translation Studies paradigm towards a new anthropocentric integrated theory (semiotics of translation) enabling modeling of the act of translation as a real system of active cognitive-communicative interaction as well as a conceptual system of multiple ontologies. Such theory may help to narrow the existing epistemological gap between theory, didactics and practice of translation.

Keywords: *anthropocentrism, theory of translation, ontology of translation, integration, discourse, individual, knowledge.*

Об авторе:

ЛЕОНТЬЕВА Ксения Ивановна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сетевого научно-образовательного центра когнитивных исследований, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, e-mail: ksenja_leontieva@mail.ru